

шансов и экономических возможностей достижения материального и культурного благосостояния. Развитая гражданственность — решающий фактор единения народа и власти, создания таких условий, при которых государство становится для граждан «своим».

Идея государственного и человеческого достоинства серьезно подорвана в России «социалистическими» экспериментами и неудачами либеральных реформ, что породило в обществе массовые настроения самоуничтожения, неверия в собственные силы, пренебрежения к тому, что несет в себе печать национального. Между тем, достоинство — это то, что конечном счете может помочь России найти свой собственный, органичный путь к экономическому процветанию и культурному прогрессу, опираясь на собственный труд, интеллект и волю.

Итоговая формулировка может звучать так: **просвещение, гражданственность, достоинство на основе социально-национального взаимодействия народов России и конкурентоспособности с внешним миром.**

В заключение необходимо подчеркнуть, что **предлагаемая национальная идея современной России призвана определить стратегию развития страны в XXI в.** Она представляет собой синтез тех экономических, политических, социальных и культурных приоритетов, духовно-нравственных ориентиров, которые способны объединить российское общество, придать его жизнедеятельности осмысленный характер, направить его энергию на возрождение и прогресс страны.

И.В. Побережников

ЯМАЛ В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XX В. (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)

История освоения крайнего севера Западной Сибири (включающего сегодня восточный склон Полярного Урала, Нижнее Приобье, полуостров Ямал, часть Гыданского полуострова, районы Обской и Тазовской губы с бассейнами рек Надым, Пур и Таз) является неотъемлемой составляющей грандиозного процесса русского освоения Сибири в целом.

Крайний север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проло-

жены первые пути в Сибирь. Здесь же впервые вырабатывались модели хозяйственного освоения новых территорий и организации взаимоотношений с коренным населением, которые затем применялись по мере продвижения русских землепроходцев к Тихому океану. Северо-Западная Сибирь длительное время служила каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов, на Енисей и Лену.

При этом освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обуславливалась огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малонаселенностью, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами.

В частности, освоение данных территорий осуществлялось замедленными темпами. Если в более южных районах стадия промыслового освоения уже с начала XVII в. была дополнена аграрно-земледельческой колонизацией, а в XVIII в. — промышленной, то на севере Западной Сибири торгово-промысловая колонизация затянулась до первых десятилетий XX в.

Актуальность изучения истории Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа), одного из российских регионов, обладающего значительной спецификой и играющего (и игравшего) существенную роль в обеспечении прогрессивного развития страны, обусловлена, таким образом, как потребностями осмысления прошлого края, так и особой ролью пространственно-географических аспектов в истории страны, огромной вариативностью развития ее отдельных территорий, специфическим характером взаимоотношений между центром и периферией.

Теоретико-методологические рамки

Понятие «регион» может рассматриваться с различных точек зрения, в зависимости от использования тех или иных систем критериев. Э.Б. Алаев выделяет два имманентных и один методологический признак, присущие понятию «район». Во-первых, по мнению Алаева, для района характерно наличие специфики данной территории, того, что по совокупности насыщающих ее объектов отличает ее от других территорий. Во-вторых, Э.Б. Алаев указывает на наличие единства, или генетической взаимосвязанности между этими объектами, которая придает территории целостность — новое качество, не выводимое из простой суммы насыщающих объектов.

Методологический признак состоит в том, что вследствие взаимосвязанности насыщающих территорию элементов изучать законо-

мерности образования района можно лишь руководствуясь системным подходом, то есть рассматривая все эти элементы не изолированно, а в их единстве. Поскольку понятия «регион» и «район» синонимичны, указанные признаки можно отнести и к «региону».

В европейской аналитике регион интерпретируется как «территория, представляющая собой общность с географической точки зрения или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранить, развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса».

В данном определении присутствуют как естественно-историческая (обусловленная наличием «территории», «географии»), так и проектировочная компонента, имеющая субъективную природу, пропускаемая сквозь «фильтры ментальности» и реализуемая через деятельность людей, их поведение. Интеграция субъективной компоненты в концепт «региона» представляется нам актуальной и методологически корректной. В более общем методологическом контексте это обуславливается дуализмом исторического процесса, который осуществляется как структурирование социальных отношений во времени и пространстве в результате перманентной интеракции предшествующей структуры и индивидуальной воли (деятельности). Структура оказывает воздействие на человеческую деятельность и индивидуальную волю, а последняя, эксплуатируя непоследовательности и противоречия существующих структур, в состоянии изменить саму структуру. Унаследованная от прошлого структура является рамочным условием деятельности и одновременно ее результатом.

На деятельностной составляющей акцентирует внимание при определении концепта «регион» П.Г. Щедровицкий, по мнению которого «регионом» является единица соорганизации и связи процессов развития и процессов воспроизводства, в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на стабильных структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов, материала жизнедеятельности и производства и т.д.; становление целостных механизмов и структур воспроизводства в условиях развития порождает «регионы» различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории, прикрепляться к ним и «паразитировать» на определенных массивах природного окружения и территориальных ареалах.

Понятие «регион» статично; однако «реальный» регион существует лишь в динамике и сам является продуктом данного развития. Региональное развитие рассматривается нами как динамика региональной структуры, которая результируется в распределении (и в перераспределении) региональных ролей в геополитической, политико-экономической, социокультурной и прочих сферах.

Существенным параметром регионального развития, по нашему мнению, может являться степень региональной идентичности (и самоидентификации). Нарастание значимости этого показателя сопровождается усложнением и повышением роли региона в территориальной структуре общества, процессы регионализации. Понижение значения показателя, напротив, приводит к упрощению территориальной структуры (условно можно сказать, к дерегионализации), которая при его нулевом значении превращается в однородное геополитическое пространство.

Итак, процесс формирования региона — процесс исторический; сам регион является продуктом этого процесса. Очевидно, что со временем меняется региональная структура общества, трансформации подвергается и структура, и географические очертания самих регионов. Историко-генетический подход естественно выбрать в качестве инструмента исследования процессов регионоформирования. Данный подход позволяет реконструировать факторы и динамику образования региона в историческом контексте. Однако при изучении регионоформирования плодотворно сочетание исторического подхода с ретроспективным, позволяющим проецировать видение проблемы «из будущего».

Далее, изучая региональное развитие исторически, предстоит неоднократно идентифицировать его исторические проекции. Такая процедура может проводиться на основе какого-либо одного признака (за которым может скрываться соответствующий фактор). В частности, широкое распространение получили географические, экономические, административно-политические, историко-этнографические схемы районирования. Не умаляя значения одномерного подхода, следует однако отметить его определенную ограниченность.

И все-же одномерный подход не способен в полном объеме раскрыть территориальную специфику региональной среды, решающим образом воздействующей на все стороны жизнедеятельности человека, поэтому для выделения региональных таксонов необходимо использование целой системы признаков, в той или иной мере определяющих качественное своеобразие и вектор развития региона.

По крайней мере, представляется необходимым при идентификации исторического региона использовать следующие критерии:

- естественно-географические условия; данный признак в значительной степени детерминирует пределы и возможности человеческой жизнедеятельности на определенной территории; в то же время он находится в зависимости от разнообразных антропогенных воздействий и подвергается трансформации в процессе исторического развития;

- этнодемографические, этнолингвистические, этнокультурные параметры; имеются в виду характеристики, описывающие демографическую, социальную и этническую структуры, этнолингвистические показатели, раскрывающие уровень языковой гомогенности/гетерогенности, характер межязыковой коммуникации, механизм функционирования систем синхронных и диахронных информационных связей; этнокультурные параметры, характеризующие специфику орудий труда, бытовых предметов, жилища, трудовых традиций, обычаев, культов, символов, фольклора и т.д., которые связаны с традиционными хозяйственными занятиями и жизнью населения в определенных ландшафтно-климатических условиях, также должны приниматься в учет при идентификации региона (в определенной степени территориальным продуктом этнокультурных процессов могут рассматриваться историко-этнографические области, под которыми в этнологической литературе понимаются локализованные в пространстве и во времени части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния разных народов формируются общие особенности в хозяйстве, социальном строе, культуре и быте);

- социально-экономические параметры; реконструкция территориальных социально-экономических структур; оценка включенности населения в страновую и мировую экономику;

- административно-политические параметры; учитывающие особенности национально-государственного и территориально-административного устройства, наличие собственной административно-политической системы, институтов власти и управления.

Естественно, выделенные на основе указанных и возможно дополнительно привлекаемых критериев регионы не совпадут. Однако вычленение некоего «интегрального» региона, предполагающего единство и сопряженность взаимодействия составляющих его частей, по нашему мнению, возможно. Технически оно может быть осуществлено в процессе проецирования на карту «одномерных»

регионов и выделения в пространстве их совпадения регионального «ядра».

Применительно к истории Ямала периода русской колонизации региональная концентрация, вероятно, может моделироваться путем совмещения административных единиц, территориально-хозяйственных комплексов, территориально-языковых общностей и т.д.

Существенное эвристическое значение при изучении истории Ямала приобретает понятие интеграции, которым обозначается весьма длительный, трудный и противоречивый процесс. Под «интеграцией» подразумевается совмещение частей социальной системы таким образом, чтобы система образовала единое целое. Имеется в виду унификация ценностных структур или образцов поведения, существование общих целей или усиление единства. Интеграция понимается как наличие взаимных контактов, социального взаимодействия, единства и контроля, в общем — как социальные связи. В этом смысле близкими к интеграции понятиями являются, в частности, понятия социальной сплоченности и социальной притягательности. Социальная сплоченность (*cohesiveness*) означает внутреннее единство частей целого, добровольную социальную связь членов и достигнутую с помощью этой связи способность противостоять внешним воздействиям и давлению. Наиболее наглядный пример — социальная сплоченность семьи. Социальная притягательность (*attraction*) — это тяготение к другому человеку или группе. Социальная притягательность возникает по различным побудительным причинам, в частности, из-за привязанности, социальных контактов или стремления получить выгоду. От внутренней притягательности группы зависит ее социальная сплоченность.

Человеческое существование связано с постоянными взаимодействиями с другими людьми на регулярной основе. Регулярность социальных взаимодействий приводит к сплочению взаимодействующих в социальные единицы (отдельные целостности) с некоторыми общими социальными характеристиками. Социальные взаимодействия осуществляются в рамках сообществ типа семьи, групп, коммунальных структур, ассоциаций, организаций, государственных конструкций. Важным свойством социальных структур является усиление социальной сплоченности, связанной с интеграцией в результате социального общежития, соседства, взаимных контактов, социального взаимодействия (что, конечно же, не отменяет конкуренции, конфликтности). При этом под интеграцией понимается совмещение социальных элементов таким образом, чтобы они образовывали единое целое

(унификация ценностных структур и образцов поведения, разработка общих целей и механизмов социального контроля).

Понятно, что интеграция — понятие многоуровневое и многоаспектное. Применительно к регионам государства оно не может ограничиваться только институционально-политическим измерением, но включает и хозяйственно-экономические, и социокультурные аспекты. Интеграция не исчерпывается моментом политического присоединения той или иной территории; напротив, данный момент служит зачастую лишь начальным рубежом длительного социоинтегративного процесса.

Акцент на проблемах социальной интеграции представляется в высшей степени актуальным. Старая историография концентрировала внимание на поиске социальных противоречий, антагонизмов, конфликтности, видя в этих явлениях источники исторического динамизма. Между тем, вероятно, более важны для существования человеческого общества механизмы, обеспечивающие социальную стабильность, социальную интеграцию, сплочение и упорядочивание. Широкомасштабное теоретико-методологическое и эмпирическое исследование разнообразных социоинтегративных механизмов различного уровня (семья, община, городская общность, экономическая корпорация, субрегиональные и региональные общности, административные механизмы и т.д.) значимо не только с чисто научной, но и с практической, прикладной точки зрения. Исторический опыт социальной интеграции может быть востребован в условиях переосмысления цивилизационной идентичности России на современном этапе, поиска стратегии национального и регионального развития.

Существенную роль в процессе интеграции новых регионов в состав российской цивилизации должны были играть механизмы диффузии, то есть распространения инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Хорошо известно, что процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, которые облегчают интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри/между сообществами. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, путешествия и т.д.

Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными). Заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

Этапы освоения

Предыстория русского освоения крайнего севера Западной Сибири приходится на XII — середину XV в. В течение данного продолжительного периода доминирующей силой в освоении путей на восток играли новгородцы. Именно они задолго до политического присоединения Северного Зауралья к Русскому государству установили контакты с населявшими его народами.

В целом значимость данного периода состояла в большей степени не в политических последствиях, которые действительно были номинальными и преимущественно ограничивались приуральским ареалом, а в разведке новых территорий, в сборе географических сведений о них, в прокладке маршрутов продвижения через Урал в Северо-Западную Сибирь, которые были широко использованы впоследствии в организации обменных операций с населением северного Приуралья и Зауралья. Именно новгородцы проложили первые пути на Урал и далее в Сибирь.

Собственно первым этапом русского освоения становится период примерно с последней трети XV в. по начало 1590-х гг. На данном этапе происходит смена основного политического участника освоения крайнего севера Западной Сибири. Место Новгорода, окончательно потерявшего политическую независимость в 1478 г. и включенного в состав Русского государства, занимает Москва (великое княжество, а затем царство). На данном этапе инициатива переходит от Новгорода Великого к Московскому государству. Последнее, вклю-

чив в свой состав новгородчину, в определенной степени унаследовало и традиции новгородской колонизации: репертуар способов (воинские экспедиции, меновая торговля, пушной промысел) и созданную к тому времени инфраструктуру, в первую очередь, коммуникации.

Наступление этапа раннего московского освоения, видимо, не привело к сокращению участия частного элемента в колонизационном процессе (торговцы, промышленники). Напротив, как раз в данный период активизируется деятельность поморских мореходов, освоивших северный морской путь до Оби и даже до Енисея.

В то же время именно в этот период укрупнились масштабы освоения, была усовершенствована его инфраструктура, в орбиту внимания участников процесса освоения была включена большая часть территории крайнего севера Западной Сибири, в том числе ее восточных районов, ранее бывших недоступными, расширился периметр охвата осваиваемых земель (с севера, запада, юга против прежнего единственного вектора колонизационного движения, направленного с запада на восток).

В качестве следующего этапа русского освоения крайнего севера Западной Сибири можно выделить эпоху примерно с середины 1590-х гг. до 1660-х гг. Данный период отмечен заметным сдвигом хозяйственной активности русского населения в восточные районы крайнего севера Западной Сибири, в так называемую Мангазею. Начало данного периода ознаменовалось созданием укрепленных опорных центров русского присутствия в регионе — Березова (1593), Обдорска (1595 или 1596 г.) и Мангазеи (1601). С их возникновением были созданы условия для укрепления русских позиций на территории крайнего севера Западной Сибири, для фактического включения ее в состав Русского государства.

Создается таможенная система. Таможенные заставы учреждаются в 1597 г. в Обдорске и на р. Сось, а несколько позднее южнее — на р. Киртас.

Таким образом, был установлен надежный контроль над потоками товаров в Сибирь и из Сибири, а также над торговыми и промышленными людьми, двигавшимися в обоих направлениях по «чрезкаменному» пути и щугорской дороге с выходами в Зауралье на Обдорск и Березов.

Система опорных пунктов облегчала увеличение числа плательщиков налога — обьясачивание (означавшее реальное подчинение автохтонов власти Москвы), которое заметно активизировалось в

данный период по сравнению с прошлым и в Обдории, и в районе Мангазеи.

Ускоряется процесс интеграции автохтонов в российскую административную систему, создаваемую на востоке страны.

Проникновение русских за Урал диктовалось торговыми и промышленными интересами. Создание опорных баз русской колонизации благоприятствовало русскому промысловому освоению земель за Уралом. Недаром именно на XVII в. (20—80-е гг.; к концу столетия пушные промыслы и торговля в Сибири потеряли существенное значение) приходится пик русской промысловой деятельности.

Итак, данный этап был создан пушным бумом, небывалым ростом русского соболиного промысла преимущественно в пределах Мангазейского уезда. Упрочение русских позиций в крае к рубежу XVI/XVII вв. и доступность богатых драгоценным пушным зверем районов обеспечили высокий динамизм развития на третьем этапе.

В то же время имевшая ярко выраженный товарный характер экономика русских промышленников была узко профилирована, почти не имела связей с преимущественно натуральной экономикой аборигенного населения и не оказывала на последнюю заметного влияния. Будучи ориентированной вовне, эта экономика не создала прочной хозяйственной базы в крае. В результате период завершился упадком русской промысловой деятельности, которая исчерпала возможности ресурсной базы.

Следующий этап русского освоения крайнего севера Западной Сибири охватывает период с последней трети XVII по начало XIX в. Для него характерно замедление темпов хозяйственного освоения, перенос акцента преимущественно в сферу обеспечения работы фискальных механизмов. На данном этапе история русского освоения ограничивается преимущественно районами Нижнего Приобья.

Русское присутствие в крае по-прежнему обеспечивает Обдорск, в который присылаются для сбора ясака служилые люди-«годовальщики» из Березова. Расселение русских по уезду шло настолько слабыми темпами, что его трудно заметить.

Необходимо отметить, что в целом в данный период в Нижнем Приобье, как отмечает историк Н.А. Миненко, идет процесс складывания специфической локальной этнографической группы русских старожилов, обладающих существенным культурным и языковым своеобразием. Русские устанавливают более тесные деловые контакты с коренными жителями низовий Оби.

На данный этап приходится начало (с 1707 г.) христианского миссионерства и массового распространения православия среди коренных народов Северо-Западной Сибири, однако северных во-лостей данный процесс коснулся поверхностно.

На протяжении данного периода продолжался исподволь процесс хозяйственно-культурных взаимодействий между русскими и местными народами, который сопровождался продуктивными этно-культурными заимствованиями, полезными для всех сторон.

Укоренение русских старожилов в Северо-Западной Сибири, упрочение их связей с местным населением незаметно готовили пред-посылки для перехода к следующему этапу.

Следующий этап русского освоения крайнего севера Западной Сибири охватывает период времени с начала XIX по начало XX в. Данный этап характеризуется заметным ускорением темпов освое-ния, его нарастающей интенсификацией. Важная тенденция данно-го этапа — это необратимый теперь уже процесс формирования постоянного русского населения на крайнем севере Западной Сиби-ри.

На данном этапе в процессе освоения территории активно под-ключаются механизмы ее хозяйственно-экономической интеграции. В экономике районов крайнего севера Западной Сибири складыва-ется многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения. При этом традиционное хозяйство абориге-нов в значительной степени подвергается деформации под влияни-ем пришлого населения и его торгово-промышленного капитала.

Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду приводит к коммутации ясака, развитию среди части коренных жи-телей, включенных в сферу русского рыбопромышленного пред-принимательства, товарного рыболовства.

Торговый обмен способствовал возникновению и развитию у народов Крайнего Севера Западной Сибири товарно-денежных от-ношений, товаризации традиционных промыслов, включению ко-ренных народов в общесибирский и общероссийский рынок.

Итак, хозяйственные механизмы в XIX в. начинают обеспечивать постепенную интеграцию крайнего севера Западной Сибири в эко-номическое пространство страны.

Процессы хозяйственной интеграции отличала динамика ускоре-ния. К рубежу XIX—XX в. экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывав-шего на нее свое трансформирующее воздействие.

Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственной деятельность.

Примерно с середины XIX в. активизируется миссионерская деятельность на Обском Севере. Хотя христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований. К началу XX вв. были достигнуты определенные успехи в интеграции крайнего севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в различной степени захватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической области, в институционально-политической и в социокультурной. Товарная экономика постепенно «обволакивала» формы традиционного хозяйствования аборигенов. Административно-политический каркас империи включил «анклавы» традиционного права и самоуправления. Причудливые конструкции возникли и в сфере культуры. Тем не менее, несмотря на такую мозаичность общественных отношений изучаемый регион уже стал частью большой целостности, воплощаемой национально-страновой моделью развития.

В.А. Ламин

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Бесспорно, первым и, безусловно, успешным опытом реконструкции истории регионального развития является «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Фундаментальное 5-и томное издание, вышедшее в свет в конце 1960-х годов, положило начало «цепной реакции» подготовки крупных монографических, преимущественно, коллективных исследований истории регионального развития. Вслед за изданием «Истории Сибири» явились инициативы по написанию истории Дальнего Востока, Якутии, Казах-